

Н.К. Бржеский

Очерки аграрного быта крестьян
Том 1. Земледельческий центр России и его
оскудение

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.К. Бржеский**
Очерки аграрного быта крестьян: Том 1. Земледельческий центр России и его оскудение / Н.К. Бржеский – М.: Книга по Требованию, 2016. – 104 с.

ISBN 978-5-517-99715-9

ISBN 978-5-517-99715-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
Введеніе. Важность изслѣдованія аграрнаго вопроса въ хозяйственно-бытовомъ отношеніи	1
Глава I. Значеніе малоземелья въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи по отзывамъ мѣстныхъ людей	3—16
Населенность центральнаго земледѣльческаго района (3). Бытовая обстановка жизни сельскаго населенія (3). Въ чемъ заключается дѣйствительное зло земледѣльческаго центра Россіи (7)? Малоземелье препятствуетъ культурному подъему крестьянскаго хозяйства (10). Мѣры, предложенныя мѣстными людьми для борьбы съ малоземельемъ (13).	
Глава II. Борьба крестьянскаго населенія съ малоземельемъ . .	17—37
Какъ крестьянское населеніе борлось съ малоземельемъ (17)? Распашка угодій (17). Покупка земли (21). Аренда частновладѣльческихъ земель (21). Аренда надѣльной земли (27). Переселеніе въ Сибирь (29). Кустарные промыслы (32). Мѣстныя сельскохозяйственныя работы (32). Отхожіе заработки (34).	
Глава III. Некультурность сельскаго населенія и его неподготовленность къ новымъ условіямъ хозяйственнаго быта	38—58
Благопріятныя естественно-историческія условія земледѣльческаго центра Россіи (38). Общая характеристика пореформеннаго быта сельскаго населенія (39). Приверженность крестьянъ къ старымъ приѣмамъ производства (44). Земледѣльческія орудія (45). Системы полеводства (47). Однообразіе культуръ, практикуемыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ (47). Урожайность хлѣбовъ на земляхъ частновладѣльческихъ и крестьянскихъ (48). Чѣмъ обусловливается разница въ урожаѣ хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ и у частныхъ владѣльцевъ (48)? Удобреніе полей (49). Сѣмена посѣвнаго хлѣба (51). Жнивье и молотьба (52). Садоводство и огородничество (54). Охрана сельскохозяйственной собственности (55). Животноводство (55).	

Глава IV. Особенности крестьянского землевладѣнія 59—94

Типы крестьянскаго землевладѣнія и ихъ распространенность (59). Основные недостатки крестьянскаго земельного устройства (60). Длинноземеліе (60). Разселеніе общинъ хуторами по ихъ полевой землѣ (66). Чрезполосность крестьянскихъ надѣловъ (69). Передѣлы надѣльной земли (72); неблагоприятное ихъ вліяніе (76). Общинное владѣніе землею и малоземелье (80). Неупорядоченность правовой стороны общиннаго землевладѣнія (84). Подворное (четвертное) землевладѣніе (87). Регистрація подворныхъ участковъ (91).

Глава V. Краткое послѣсловіе 94—100

Почему оскудѣніе земледѣльческаго центра Россіи достигло столь значительныхъ размѣровъ (95)? Средняя урожайность хлѣбовъ въ Россіи (96). Расхищеніе почвенныхъ богатствъ (97). Дефицитность крестьянскаго хозяйства (97). Ближайшія задачи народнохозяйственной политики (98). Разрѣшеніе аграрнаго вопроса возможно лишь при широкой постановкѣ мѣстнаго самоуправленія (100).

ВВЕДЕНІЕ.

Изученіе крестьянскаго земельнаго вопроса въ Россіи сосредоточилось за послѣднее время главнѣйше на количественной его сторонѣ. Статистическій методъ преобладалъ въ сужденіяхъ членовъ государственной думы и въ объясненіяхъ представителей правительственной власти. Разслѣдованію техническихъ приемовъ крестьянскаго хозяйства, его отсталости и некультурности и всей его хозяйственно-бытовой обстановки и выясненію дѣйствительныхъ причинъ этихъ явленій придавалось, повидимому, второстепенное значеніе. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Идея принудительнаго отчужденія въ пользу крестьянъ помѣщичьихъ земель, выдвинутая нѣкоторыми изъ нашихъ политическихъ партій, ясно свидѣтельствуеетъ о томъ, что поземельный вопросъ, сведенный на почву однихъ лишь статистическихъ данныхъ, неизбѣжно получаетъ одностороннее освѣщеніе и, въ конечномъ результатѣ, требуетъ столь же одностороннихъ мѣръ для своего разрѣшенія.

Иные получились бы результаты, если бы наше земельное нестройство изучено было не только въ статистическомъ отношеніи, но съ точки зрѣнія и хозяйственно-бытовой. Такое изученіе существеннымъ образомъ раздвинуло бы рамки земельнаго вопроса; оно показало бы, что наше сельское населеніе страдаетъ, за нѣкоторыми исключеніями, не отъ недостатка земли, а отъ того, что крестьяне не умѣютъ, подчасъ, быть можетъ, и не могутъ пользоваться ею надлежащимъ образомъ; оно могло бы убѣдить въ томъ, что главнѣйшее зло въ жизни нашего крестьянства—не малоземелье, а нѣчто другое: некультурность народной массы; отсутствіе въ ней общихъ и специальныхъ сельскохозяйственныхъ знаній; ея безправность и отчужденность отъ всѣхъ другихъ группъ населенія, стоящихъ на болѣе высокой ступени культурнаго развитія; ея беспомощность въ борьбѣ за существованіе и, въ частности, въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго промысла, обусловленная, помимо всего прочаго, цѣлою совокупностью бытовыхъ причинъ, являющихся далекимъ наслѣдіемъ крѣпостной эпохи и общаго хода исторической жизни русскаго государства; только подобное изученіе могло бы поколебать наивную вѣру въ чудодѣйственную мощь принудительнаго отчужденія въ пользу крестьянъ

требованіямъ здороваго жилья. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ лѣсовъ и вѣдороджаніемъ деревянныхъ срубовъ, избы сооружаются теперь по преимуществу кирпичными, но онѣ темны, сыры, часто холодны, окна въ нихъ малы, всегда безъ двойныхъ рамъ, сильно потѣютъ зимою и вода стоитъ на подоконникахъ. На пространствѣ 7—9 кубическихъ саженой живетъ крестьянская семья, нерѣдко весьма многолюдная, душъ пятнадцать. Спятъ въ два этажа: на лавкахъ, на нарахъ и печи. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ той же избѣ помѣщается и мелкій скотъ; иногда, въ большіе холода, туда же вводятъ и корову; здѣсь же стираютъ бѣлье, обсушиваютъ платье, веретью и сбрую; при полномъ отсутствіи вентиляціи, въ избахъ собирается сырость; благодаря сильной скученности, воздухъ дѣлается тяжелымъ и какъ бы промозглымъ. Ради экономіи въ кирпичѣ, стѣны крестьянскихъ избъ строятся съ пустотою въ серединѣ, засыпаемою навозомъ, иногда просто землею. Вслѣдствіе неправильнаго пользованія избою и сырости, постепенно разрушающей постройку, кирпичныя избы, по отзывамъ самихъ крестьянъ, не выдерживаютъ болѣе 15—20 лѣтъ. При перекладкѣ старой избы, въ заднихъ, обращенныхъ ко дворамъ, стѣнахъ кирпичъ замѣняется дикимъ камнемъ (известнякомъ), который легко промерзаетъ въ большіе морозы, покрывается иглами инея и служитъ новымъ источникомъ сырости. Деревянныя избы пришли въ послѣднее время въ совершенный упадокъ; отъ сырости и отъ плохихъ крышъ, по случаю недостатка соломы, онѣ въ большинствѣ случаевъ сгнили и держатся кое-какъ лишь благодаря подпоркамъ, подмазкѣ подгнившихъ угловъ и т. п. Теперь замѣтно стало сильное распространеніе построекъ глинобитныхъ или изъ земляного необожженнаго кирпича,—построекъ недолговѣчныхъ, свидѣтельствующихъ объ обѣдненіи деревни. Рядомъ съ плохими жилыми избами, жалкое впечатлѣніе производятъ надворныя постройки, — полуразрушенныя каменныя на глинѣ сооруженія, очень часто съ раскрытыми верхами.

Топятъ крестьяне въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ озимой соломой. Въ неурожайные годы, столь часто повторявшіеся за послѣднее время, когда соломы не хватало даже на кормъ скоту, замѣняютъ ея для отопленія печей сжигался навозъ. Пожары очень часты, а скученность построекъ дѣлаетъ борьбу съ ними въ высшей степени трудною.

Пища крестьянина, въ количественномъ и качественномъ отношеніи, не удовлетворяетъ основныхъ потребностей организма. Обыкновенной будничной пищей крестьянину служитъ хлѣбъ и картофель. Молоко, коровье масло, творогъ, мясо,—словомъ всѣ продукты, богатые бѣлковыми веществами, являются на его столѣ въ исключительныхъ случаяхъ — на свадьбахъ, при разговѣннѣ, въ престольные праздники. Сдабриваніе жирами, т. е. масломъ (постнымъ) или саломъ, примѣняется очень рѣдко; каша въ послѣднее время въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ. Овощи воздѣлываются въ самомъ

ничтожномъ количествѣ; на зиму дѣлаются, и то далеко не всѣми, запасы одной только кислой капусты. Необходимыя организму кислоты, доставляемыя обыкновенно овощами и безъ которыхъ легко развивается цынга, замѣняются квасомъ. Въ годы недородовъ убавляется обычная норма хлѣба; изъ бѣды выручаетъ одинъ картофель. Хроническое недоѣданіе—обычное явленіе въ крестьянской семьѣ; ѣдятъ лучше только при напряженной работѣ; какъ лошади крестьянинъ задаетъ овесъ только при отправленіи въ дальнюю дорогу, такъ и самъ онъ ѣсть лучше только при предстоящей ему наличной усиленной работѣ. Къ сожалѣнію, дѣти питаются столь же скудно и только объемистою пищею; благодаря плохому питанію, желудочныя заболѣванія очень часты между крестьянами.

Не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ пища и жилье крестьянъ, находится ихъ одежда. По мѣрѣ уменьшенія крестьянскаго скотоводства, сократилось количество шерсти для домашняго приготовленія сукна, валенокъ и овчинъ; убавляется, вслѣдствіе недостатка въ удобреніи, и воздѣлываніе конопли и льна, служившихъ для домашняго приготовленія холста. Все въ большихъ размѣрахъ наблюдается замѣна прочныхъ и теплыхъ домашнихъ издѣлій продуктами фабрикъ. Не рѣдкость теперь найти цвѣтные наряды у всѣхъ или у большинства членовъ семьи, а въ то же время всего одинъ крѣпкій полушубокъ и ни одного тулупа на дворъ. Поэтому осенью, тотчасъ же съ наступленіемъ холодовъ, населеніе деревни въ массѣ лишено возможности ходить на заработокъ, а дѣти посѣщать школу.

Сбереженій про черный день у крестьянъ положительно не имѣется и одинъ серьезный неурожай способенъ потрясти до основанія хозяйство. Голодъ 1891 года и оказанная населенію тогда, какъ и въ послѣдующіе хлѣбные недороды, быть можетъ, слишкомъ широкая и не всегда умѣлая помощь, въ связи съ послѣдующими сложеніями продовольственныхъ ссудъ и недоимокъ, развили въ крестьянахъ прискорбную беспечность.

Многіе стали уклоняться отъ заработковъ и пренебрегать ими, разсуждая такимъ образомъ, что въ хорошій годъ имъ хватитъ своего урожая, а въ неблагопріятный—ихъ все равно прокормятъ. Хозяйственныхъ запасовъ, постоянно наблюдавшихся въ прежнее время, нынѣ у крестьянъ не имѣется; что можно продать, все продается, а деньги расходуются.

Утрачивая привычку заботиться о черномъ днѣ и полагаться только на себя, населеніе становится хозяйственно безпомощнымъ, легко впадаетъ въ неоплатные долги и въ нищету. По словамъ одного изъ участниковъ михайловскаго, Рязанской губерніи, уѣзднаго комитета, «нѣтъ селенія, въ которомъ не было бы кулака, ссужающаго мѣстныхъ крестьянъ деньгами и хлѣбомъ подъ невѣроятные проценты, взимаемые частью деньгами, частью личнымъ трудомъ». Особенно тя-

жело положеніе сельскаго населенія въ неурожайные годы. При невозможности, да и непривычкѣ крестьянъ бороться съ подобнымъ бѣдствіемъ собственными силами, система кормленія народныхъ массъ за счетъ государственнаго бюджета и пожертвованій, несмотря на всѣ ея отрицательныя стороны, становится неизбѣжной; но чѣмъ шире оказывается продовольственная и сѣменная помощь, тѣмъ значительнѣе бываетъ въ пострадавшихъ отъ недорода мѣстностяхъ поступленіе питейнаго дохода.

Въ зависимости отъ плохихъ пищи, жилья, отопленія и одежды здоровье крестьянъ въ массѣ подорвано; среди нихъ встрѣчается значительное число больныхъ хроническихъ. Условія деревенской жизни, столь отличныя отъ нездоровой скученности въ бѣдныхъ кварталахъ большихъ городовъ, должны бы создавать благоприятную санитарную обстановку, а между тѣмъ деревня является очагомъ всевозможныхъ заразныхъ болѣзней. Этому, въ особенности, способствуютъ отсутствіе или плохое качество питьевой воды и рѣшительное равнодушіе населенія къ содержанію себя въ чистотѣ. Бань почти нѣтъ въ селеніяхъ и крестьяне моются въ печахъ, «размазывая грязь по тѣлу съ помощью незначительнаго количества теплой воды»,—какъ выразился одинъ изъ мѣстныхъ земскихъ врачей. Мыломъ крестьяне пользуются въ самыхъ незначительныхъ количествахъ, бѣлье носится долго, до полнаго загрязненія. При такихъ условіяхъ чесотка, напр., является обычно, рѣзко выраженной эпидеміею, которою охвачено чуть ли не все населеніе. Смертность и заболѣваемость среди крестьянъ весьма значительны; забота о здоровьѣ стариковъ и находящихся въ младенческомъ возрастѣ дѣтей, особенно дѣвочекъ, почти отсутствуетъ; такіе нетрудоспособные члены семьи составляютъ для хозяйства прямую обузу.

Скудость крестьянскаго хозяйства бросается въ глаза и нѣтъ, кажется, никакой возможности рассчитывать на покупательную способность крестьянина, а между тѣмъ жизнь въ деревнѣ идетъ впередъ, потребности растутъ и удовлетвореніе ихъ требуетъ денегъ. Лучину смѣняетъ керосиновая лампа; дешевые фабричныя ситцы вытѣсняють ткани домашняго производства; возникаетъ и усиливается потребность ввести въ подорванный организмъ какихъ-либо возбудителей, и крестьянинъ тянется за стаканомъ чая, къ которому онъ привыкъ во время скитаній своихъ по отхожимъ промысламъ; еще чаще тянется крестьянинъ за стаканомъ водки, окончательно разрушающей его здоровье и достатокъ.

При наличности такихъ условій заботы о какихъ бы то ни было хозяйственныхъ улучшеніяхъ отходятъ на второй планъ; вся предпріимчивость крестьянина, всѣ его помыслы сосредоточиваются на немедленномъ извлеченіи возможно большаго дохода, на постоянномъ добываніи денегъ, хотя бы связанная съ этимъ дѣйствія влекли за собою неизбѣжно подрывъ хозяйства въ будущемъ.

Такова безотрадная обстановка жизни сельскаго населенія въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи. Она нагляднымъ образомъ свидѣтельствуемъ о томъ, что хозяйственная дѣятельность этого населенія протекаетъ среди нездоровыхъ условій. Каковы, однако, эти условія и какая роль среди нихъ принадлежитъ малоземелью?

Остановимся пока на этомъ послѣднемъ вопросѣ и посмотримъ, какъ разрѣшался онъ мѣстными людьми, принимавшими участіе въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Основную причину современнаго сельскохозяйственнаго кризиса многіе изъ мѣстныхъ людей усматривали не въ малоземельѣ, а въ самомъ укладѣ нашей сельскохозяйственной жизни. Малоземелье есть понятіе относительное. Для сельскихъ жителей Западной Европы, поставленныхъ въ иныя условія производства и сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, размѣры обезпеченія надѣльною землею крестьянъ напр., Ливенскаго уѣзда Орловской губерніи могли бы показаться роскошными. Такъ какъ третья часть пахатной земли гуляетъ въ Россіи подъ пустымъ паромъ, то это доказываетъ лишь, что и ту землю, которая у насъ имѣется, мы не въ состояніи использовать надлежащимъ образомъ. Если бы подъемомъ культуры намъ удалось повысить урожайность хотя бы на десять пудовъ съ десятины, то населеніе Ливенскаго уѣзда получило бы приростъ зерна, при томъ же трехпольѣ, около трехъ милліоновъ пудовъ. Въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, площадь озимыхъ посѣвовъ достигаетъ у крестьянъ 60 тыс. десят. На крестьянскихъ земляхъ, по сравненію съ помѣщичьими, получается недоборъ въ 10—15 пудовъ съ десятины. Ежегодная потеря одной только ржи у корочанскихъ крестьянъ такимъ образомъ достигаетъ 600 тыс. пудовъ. Но такая же потеря существуетъ и на яровыхъ посѣвахъ.

Бывшіе государственные крестьяне, какъ извѣстно, получили болѣе значительные надѣлы, чѣмъ бывшіе помѣщичьи; однако, у тѣхъ и у другихъ хозяйство ведется по одной и той же рутинной системѣ и, если судить по главнымъ показателямъ хозяйственнаго благосостоянія, бывшіе государственные крестьяне находятся въ положеніи, менѣе благопріятномъ, сравнительно съ положеніемъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Оскудѣніе крестьянскаго хозяйства едва ли можетъ зависѣть отъ растущаго малоземелья. Средній размѣръ крестьянскаго владѣнія (по обследованію 1893 г.: въ Тульской губерніи—6,4 десят., въ Орловской—7,0 десят., въ Курской—7,3 десят. и въ Рязанской—5,8 десятины пашни) отнюдь не свидѣтельствуемъ о полной невозможности поставить земледѣліе и скотоводство на должную высоту; во Франціи, Бельгіи, Италіи и Австріи населеніе ведетъ образцовое хозяйство на значительно меньшихъ земельныхъ участкахъ. Но русскій крестьянинъ обнаруживаетъ удивительную косность въ борьбѣ съ надвигающимся, мѣстами уже надвинувшимся малоземельемъ. Отказъ отъ прежней экстенсивной формы хозяйства, сокращеніе площади пара, пере-

ходъ къ болѣе цѣннымъ культурамъ и правильному плодосмѣну— вотъ тѣ задачи, которыя прежде всего стоятъ передъ земледѣльцемъ, вынужденнымъ работать на небольшомъ клочкѣ пашни. Между тѣмъ, у нашего крестьянина третья часть земли остается неиспользованной; зеленый паръ утаптывается скотомъ, поднимается поздно, обрабатывается спѣшно и крайне небрежно, мало навозится и засѣивается главнымъ образомъ рожью, овсомъ и картофелемъ. Что посѣвная площадь крестьянскаго двора изъ года въ годъ тощаетъ, это обстоятельство не лишено, разумѣется, существеннаго значенія; но едва ли укладъ крестьянскаго хозяйства, въ нынѣшнихъ своихъ формахъ неизмѣнно существующій въ Россіи въ теченіе многихъ уже столѣтій, всецѣло зависитъ отъ недостатка въ землѣ. „Огромное большинство крестьянъ,—замѣчаетъ, между прочимъ, раненбургскій, Рязанской губерніи, уѣздный комитетъ,—до сихъ поръ поля своего не навозитъ, пашетъ крайне плохо, пара не двоитъ. Крестьянинъ тяготится работою не только на чужой землѣ, за плату, но и на собственномъ участкѣ. Не смотря на всѣ толки о малоземельѣ крестьянъ, мы видимъ, что у нихъ нѣтъ стремленія къ повышенію доходности земли посредствомъ улучшенія ея обработки“...

Основное ядро нашей деревенской жизни надо искать не въ малоземельѣ, а въ низкомъ уровнѣ крестьянскаго хозяйства. Мысль эта на всѣ лады повторяется отдѣльными членами мѣстныхъ комитетовъ и самими комитетами, въ полномъ ихъ составѣ. Она подтверждается цѣлымъ рядомъ примѣровъ, взятыхъ прямо изъ жизни. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, село Новоселово, съ хуторомъ Праворотью, имѣетъ 160 домохозяевъ, 746 наличныхъ душъ и 2,575 десятинъ земли, т. е. болѣе, чѣмъ по 16 десят. на каждый дворъ. Изъ числа этой земли 113 дес. находятся подъ усадьбами, 1,956 десят. раздѣлены на души по 2 десят. 1,450 кв. саж. на каждую душу, т. е. въ среднемъ по 12 десят. на дворъ, а 505 десят. оставлены подъ выгонами и попасами. „Слѣдовательно, если сложить эти 505 десят. и 652 десят. ежегодной парины, то и получится изъ 2,575 десятинъ 1,157 десят. ежегодно праздно лежащей земли—и таковы порядки во всѣхъ селахъ и деревняхъ нашего уѣзда“...

Малоземелье, по мнѣнію огромнаго большинства участниковъ въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прироста земледѣльческаго населенія, которое, по своей малокультурности и недостатку знаній, лишено возможности найти для себя инья средства къ существованію, кромѣ занятія сельскохозяйственнымъ промысломъ. Но какъ бы то ни было, въ районѣ центральныхъ черноземныхъ губерній малоземелье не составляетъ общаго правила и не нуждается ни въ какихъ рѣшительныхъ мѣрахъ; крестьянская бѣдность есть слѣдствіе не одного лишь недостатка въ землѣ, а многихъ другихъ сложныхъ причинъ.

Въ Курскомъ, напр., уѣздѣ въ большинствѣ сельскихъ обществъ не замѣчается остраго малоземелья; то же и въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Въ Новосильскомъ уѣздѣ, гдѣ на крестьянскій дворъ приходится въ среднемъ отъ 7 до 10 десят., малоземелье, по отзыву мѣстныхъ людей, „не представляетъ изъ себя существеннаго вопроса; гораздо важнѣе вопросъ о растянутости землевладѣнія крестьянъ и о малой интенсивности ихъ земледѣлія“. Въ Рязанской губерніи мѣстами замѣчается избытокъ сельскаго рабочаго населенія. Въ Михайловскомъ уѣздѣ, при посѣвной площади у крестьянъ въ 89,5 тыс. десятинъ и у частныхъ владѣльцевъ въ 44,5 тыс. десятинъ, около 17 тыс. работниковъ обоого пола являются лишними, или, другими словами, удобныя земли уѣзда перенасыщены земледѣльческимъ населеніемъ. Въ доказательство мысли, что размѣры земельнаго обезпеченія крестьянъ отнюдь не предрѣшаютъ вопроса о ихъ хозяйственномъ достаткѣ, однимъ изъ членовъ Новосильскаго уѣзднаго комитета приведенъ слѣдующій примѣръ. Въ Косаревской волости бывшихъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ существуютъ періодическіе передѣлы земли, на дворъ приходится 12 десятинъ, въ томъ числѣ распашной земли 9 десятинъ. Въ Суровской волости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ передѣлы не производятся, на дворъ приходится всей земли 6,6 десят., въ томъ числѣ распашной около $5\frac{3}{4}$ десят. У косаревскихъ крестьянъ, такимъ образомъ, почти вдвое больше земли, но процентъ безлошадныхъ у нихъ достигаетъ 28%; въ Суровской же волости всего 22%; дворовъ, не имѣющихъ живого и мертваго инвентаря, по Косаревской волости 27,6%, по Суровской—20%; приобрѣтеніе земли при содѣйствіи крестьянскаго земельного банка выражается по Косаревской волости 3%, по Суровской—22,4%. Такимъ образомъ, экономическое благосостояніе на сторонѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, съ меньшимъ количествомъ земли, а не бывшихъ государственныхъ крестьянъ, достаточно надѣленныхъ землею. Подобнаго рода примѣровъ очень много. „Малоземелья—замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ членовъ тульскаго губернскаго комитета—въ сущности нѣтъ. Если многіе бѣдствуютъ, то это происходитъ отъ множества социальныхъ и экономическихъ причинъ. Многоземелье и малоземелье безразличны для крестьянина, который собственнаго надѣла не въ силахъ обработать“...

Приведенное мнѣніе о томъ, что центръ тяжести вопроса о нашемъ аграрномъ нестроеніи заключается не въ недостаткѣ имѣющейся у крестьянъ земли, а въ хищническомъ характерѣ крестьянскаго хозяйства, придерживающагося первобытныхъ приѣмовъ сельскохозяйственной культуры, — это мнѣніе имѣло много поборниковъ въ средѣ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Но нѣкоторые изъ участниковъ тѣхъ комитетовъ, признавая принципиальную правильность изложеннаго взгляда

доказывали, однако, что малоземелье достигло мѣстами уже столь значительныхъ размѣровъ, что никакія мѣры къ культурному подъему крестьянскаго хозяйства немислимы, да и ничего не помогутъ впредь до расширенія площади измелъчавшихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Къ такому расширенію и должны быть направлены на первыхъ порахъ всѣ усилія законодательной и правительственной власти. Мѣра такая, хотя и временнаго характера, представляется тѣмъ болѣе необходимою, что переходъ къ интенсивному веденію хозяйства предполагаетъ облегченіе земельныхъ прирѣзковъ, безъ которыхъ, какъ это дознано опытомъ земскихъ агрономовъ, травопольный сѣвооборотъ натъкается у крестьянъ на непреодолимыя нерѣдко техническія затрудненія. Малоземелье составляетъ одно изъ главныхъ препятствій для правильной постановки крестьянскаго сельскаго хозяйства. Если подворный надѣлъ ниже извѣстной нормы, то трудъ земледѣльца, равно какъ и рабочаго скота остается неиспользованнымъ. Отъ размѣровъ подворнаго владѣнія зависитъ распредѣленіе земель на угодія. Чѣмъ меньше землевладѣніе, тѣмъ больше земли отводится на пашню, а въ пашнѣ—подъ продовольственные хлѣба; другими словами, чѣмъ мельче землевладѣніе, тѣмъ меньше кормовая площадь, тѣмъ меньше скота, а слѣдовательно и удобренія. При незначительныхъ размѣрахъ подворнаго владѣнія, содержаніе скота становится прямо-таки невозможнымъ и именно отъ недостаточности подворныхъ надѣловъ зависитъ переходъ крестьянскихъ дворовъ въ число безлошадныхъ, безкоровныхъ и, наконецъ, безскотныхъ. Недостаточностью же подворныхъ надѣловъ объясняется переходъ отъ самостоятельнаго хозяйства къ обработкѣ земли наймомъ, потомъ сдача ея въ аренду и, наконецъ, полное обезземеленіе.

Измелъчаніе мѣстами въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи крестьянскихъ хозяйствъ представляется фактомъ, который не можетъ быть оспариваемъ. Средній крестьянинъ, получившій въ свое время надѣлъ въ 2¼ десятины на душу, нынѣ имѣетъ на душу не болѣе десятины; крестьянинъ же, получившій низшій и особенно даровой, такъ-называемый четвертной надѣлъ, теперь имѣетъ землю лишь для своего поселенія, но не имѣетъ земли для своего прокормленія и исполненія повинностей. Несомнѣнно, что всѣ такіе крестьяне, пока они остаются земледѣльцами, не знаютъ другого занятія, какъ сельскохозяйственный промыселъ, и не имѣютъ другого заработка, какъ доходъ отъ сельскаго хозяйства,—всѣ такіе крестьяне нуждаются въ увеличеніи своего землевладѣнія. Особенная нужда чувствуется въ сѣнокосахъ и пастбищахъ, отсутствіе которыхъ лишаетъ многихъ крестьянъ возможности содержать скотъ и этимъ путемъ хоть сколько-нибудь возмѣщать скудость хлѣбныхъ запасовъ, которыми они могутъ располагать. Въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, на 280 тыс. населенія приходится 270 тыс. десятъ, что составляетъ менѣе одной деся-